

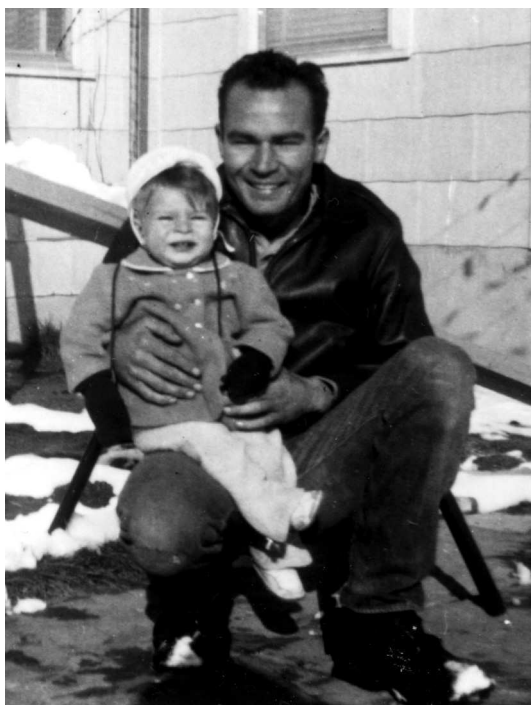
Посвящается моей жене Пэтти

От автора

Это подлинная история. Некоторые воспоминания я воспроизвел по словам родителей, потому что был в то время слишком мал, чтобы понимать, что происходит. Я много разговаривал с членами семьи, соседями, одноклассниками и прочими, чтобы отразить описываемые события как можно точнее. В некоторых случаях я обращался к семейным фотоальбомам и государственным архивам, чтобы проверить данные. Имена некоторых людей и названия мест намеренно мною изменены.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Навахо-Стейшн, 1956

Отец и я (в возрасте трех лет) перед нашим домом на Навахо-Стейшн в резервации индейцев навахо, 1955.

Глава 1

Мне было три с половиной года, когда отец впервые мне сказал, что нам надо избавиться от моей матери. Это произошло холодным февральским утром. Отец доел свой обычный завтрак — яичница, хлеб и бекон, — встал из-за стола и накинул пальто. Мы с Лонни и Сэмом позавтракали кукурузными хлопьями задолго до того, как он проснулся.

— Тельма-Лу, собери Дэвида, — приказал он матери.

Его низкий голос заполнил весь наш крошечный домик.

— Мы с ним едем покататься.

Мама вбежала в гостиную с тем перепуганным видом, с которым всегда исполняла приказы отца. Я сидел потурецки на полу и смотрел «Маленьких негодяев», пока она, как поломанная заводная игрушка, металась вокруг меня туда-сюда.

— Собирайся, Дэвид! — взвизгнула она.

Мой младший брат, Сэм, в подгузнике, возил пластмассовый грузовик по истертому ковру и смеялся, когда мама спотыкалась о его игрушки. Наша кошка Ночка увернулась у нее из-под ног и ретировалась под кресло. Семилетняя Лонни, как обычно, заперлась у себя в комнате, слушая радио и игнорируя всех остальных.

Мама всегда вела себя ужасно нервно, как будто сейчас случится что-то страшное. Когда отец был дома, ста-

новилося еще хуже. Прежде чем она дотянулась до меня своими цепкими руками, я подбежал к шкафу, нацепил куртку и ботинки и выскочил за дверь.

Мне пришлось, ежась, топтаться на крыльце, пока отец отскребал лед с нашей машины, «Нэш Рамблер», которую я называл Зеленым Бомбардировщиком. У меня для всего были свои имена. Белый пар вырывался из выхлопной трубы в морозный воздух. Мне очень хотелось поторопить отца, но я никогда бы на такое не осмелился. У него за спиной поднималось в небо здание компрессорной станции «Навахо», где он работал. Отец говорил, что станция прокачивает миллионы фунтов природного газа по огромному трубопроводу. Его гнали по трубам мощные турбины, и мне казалось, от их грохота станция вот-вот развалится.

Рядом со станцией, окруженные общим забором, стояли двадцать домов, принадлежавшие работникам «Эль Пасо Нэчурал Газ» и их семьям. Для краткости все называли компанию просто ЭПНГ. Остальными нашими соседями были гремучие змеи, заблудившийся скот, овцы, койоты, кролики и кукушки. Но с холодами они все исчезли. Папа говорил, мы живем в резервации индейцев навахо, но, поскольку мы чероки, нам не надо соблюдать все их треклятые правила.

Снежинки кололи мне щеки, и я переминался с ноги на ногу, чтобы вконец не замерзнуть. Папа проскреб две щели на заледеневшем лобовом стекле, потом сбил лед с ручки пассажирской двери и скомандовал мне залезать.

— Тут холодней, чем у могильщика в заднице, так что давай пошевеливайся, — крикнул он, перебегая на водительскую сторону. — Сейчас мы с тобой повеселимся.

Папа стряхнул снег со своих ботинок и уселся за руль. Его мускулистые руки и мощная грудь выглядели еще массивней в толстой рабочей куртке с вездесущим

красно-желтым логотипом ЭПНГ. Головой он почти касался крыши.

— Поехали!

Он утопил в пол педаль газа, и Зеленый Бомбардировщик помчался в глубь аризонской пустыни. Стоило мне подняться на колени, чтобы посмотреть, что происходит, как отец нажал на тормоза и вывернул руль в сторону, отчего я полетел на пассажирскую дверь, как на ярмарочной карусели.

— Видишь — здорово же!

Он снова нажал на газ, и мы рванулись вперед. Спустя секунду отец опять затормозил. Я навалился на приборную доску и ударился головой о металл. Он рассмеялся.

— Смотри не сломай бардачок, — сказал он. — Денег на замену у нас нет.

В следующий раз я полетел вниз, и отец опять расхохотался. Я вскарабкался обратно на сиденье и свалился еще раз, когда он повторил свой трюк.

— Тебе, черт побери, надо быть крепким! — покачал он пальцем у меня перед лицом. — Терпеть не могу неженков. Ты, конечно, тощий, и толку от тебя немного, но все-таки ты упертый сукин сын! Помни, ты — Кроу, настоящий чероки, самый хитрый и бесстрашный!

Отец выровнял руль, но скорость не сбросил. Дворники скребли по замерзшему стеклу, за окнами летел снег.

— А теперь пора поговорить по-мужски, — сказал он. — Мне надо сообщить тебе что-то важное, но сначала пообещай, что никому не расскажешь.

Своей гигантской рукой отец крепко стиснул меня за локоть.

— Ты понял?

— Обещаю, — нервно хихикнув, ответил я. Обеими руками я вцепился в дверную ручку, чтобы больше не

падать, но теперь боялся, что дверь откроется и я вылечу на дорогу.

— Нам надо избавиться от твоей матери, — заявил он решительно и хрипло. — У нее с головой не в порядке, и если она и дальше будет вас растить, вы тоже станете полудурками. От нее никакой пользы, один вред. Она вас уничтожит — уничтожит всех нас. Ты же понимаешь, что у нас ей не место, правильно, сын?

На самом деле я ничего не понимал, но все равно кивнул. Отец постоянно плохо говорил о маме — что она сумасшедшая, тупая, грязная сука, вся в свою мать и остальных бездарных членов семейки Далтон.

Но не собирался же он по-настоящему избавиться от нее! Да, он мог кричать, чтобы она убиралась и не возвращалась назад, а порой даже поднимал на нее руку. Но она все равно никуда не уходила со станции ЭПНГ, если только отец не отвозил ее в город. Обычно после ужина все возвращалось на круги своя. А по ночам до меня доносился смех из родительской спальни.

Я вцепился пальцами в ручку двери и заглянул отцу в лицо. Под шапкой густых вьющихся темных волос на лбу проступила вена в форме буквы Y, большие голубые глаза выкатились так, будто вот-вот лопнут. Губы плотно поджаты — когда злился, он всегда выглядел очень страшным.

Оставит он маму на станции? Или высадит из машины на дороге, к пьяным индейцам? А может, посадит в автобус и отправит к ее матери, как грозил уже не раз? Но отец говорил, что своей мамаше-шлюхе она не нужна. Точно так же как двум безработным алкоголикам-братьям. А дедушка Далтон и о себе-то позаботиться толком не может.

Мама выходила из дома одна, только чтобы попросить чашку сахара у кого-нибудь из соседок по станции — хотя она всегда высыпала сахар в раковину, сто-

ило ей вернуться домой. Пару раз она брала меня с собой, и я слушал, как она рассказывает, что мать жестоко с ней обращалась, а братья избивали. Даже отец ничем не мог ей помочь. Она хватала соседку за руку, дышала ей в лицо и шептала, что сейчас ее жизнь несколько не лучше — муж ее бьет, а дети не слушаются. Женщина отстранялась, спешно совала маме сахар и захлопывала перед нами дверь.

Бедная мама! Большую часть дня она лежала на диване и просила нас с Лонни сделать что-нибудь вместо нее.

— Мне нужна помощь, — говорила она. — Сама я это сделать не смогу.

Моя сестра закатывала глаза. У мамы никогда ни на что не было сил. Бывало, что она целый день не снимала ночную рубашку и одевалась только перед возвращением отца — или не одевалась вообще.

Другие мамы на станции были не такие. Они улыбались, смеялись. Заворачивали детям с собой обед и болтали с ними, ожидая на остановке школьный автобус. Когда тот приезжал, мамы обнимали их и желали хорошего дня, а потом шагали назад, к своим домам, энергично взмахивая руками на ходу.

Но только не моя.

Лонни сама заворачивала себе обед, сама делала уроки и сама готовила завтрак. А мама бродила от кровати к дивану. Я жалел ее, но от маминого визгливого, пронзительного голоса у меня болела голова.

Если она исчезнет, кто будет нашей мамой? Неужели жуткая старая миссис Белл из соседнего дома?

Отец резко надавил на тормоз и опять стал ездить кругами. Шины скрипели на заледеневшей дороге. Его лицо снова казалось спокойным и расслабленным, как тогда, когда они перешучивались с товарищами по работе. Руки у меня устали и вспотели.

— Весело тебе, сын? — засмеялся он.

Может, он ничего такого и не имел в виду. Может, он не собирается высаживать маму в пустыне, чтобы она не нашла дорогу домой.

Но, похоже, говорил он все-таки серьезно.

Отец, судя по всему, поделился своим секретом и с Лонни. Моя сестра знала все про нашу семью, хотя про маму никогда ничего не говорила — только то, что у нее с головой не в порядке.

Лонни была такой же худой, как мама, с ее золотисто-рыжими волосами и зелеными глазами, но вела себя совсем по-другому. Улыбка не покидала ее лица, и ходила она упругой походкой. Сестра играла на фортепьяно, постоянно читала и училась на одни пятерки. Все ее любили. Лонни была полна жизни — а мама походила на сдувшийся воздушный шар, болтающийся по ветру.

По утрам, когда отец уходил на работу, я начинал носиться по дому, и мама говорила, чтобы я перестал кричать словно помешанный. Я играл в футбол, размахивал бейсбольной битой и попадал мячами по лампам, картинам и журнальному столику в гостиной. Мама гонялась за мной, пытаясь ухватить за рубашку или брюки, но догнать не могла. Когда она решала, что с нее довольно, то отпускала меня гулять на улицу.

Однажды утром, в дождь, она велела мне сидеть дома. Чтобы заставить ее передумать, я забрался сверху на стиральную машину и сунул бейсбольную биту в барабан. Мама сразу же прибежала, но барабан успел погнуться, так что его пришлось сдавать в починку. Отец сильно меня отшлепал за эту, как он ее назвал, идиотскую выходку. На ногах у меня еще долго оставались синяки.

В другой дождливый день наша кошка Ночка прибежала домой вся мокрая, и я посадил ее в сушилку. Она взвыла, как сумасшедшая. Когда Лонни ее вытащила,

кошка бросилась в гостиную и взлетела вверх по шторе, сорвав ее с карниза. Стоило нам вбежать в комнату за ней, как она спрыгнула на пол.

Лонни дала мне пощечину и обозвала зверенышем. Она сказала, что все соседи так меня зовут. Но я просто хотел высушить кошку. Я не собирался ее пугать.

Отец сказал маме, что ждет не дождется, когда я сбегу из дома с бродячим цирком.

В те дни, когда мама разрешала мне погулять, я первым делом бежал к компрессорной станции, собираясь нарушить пару-тройку правил. Отец говорил, что я должен быть хитрым. «Только смотри, не разозли кого-нибудь из начальства, — напоминал он. — Иначе тебе не поздоровится».

Я брал из его ящика с инструментами гаечный ключ и говорил, что отец забыл его дома, а я ему принес. Я вскарабкивался по металлической лестнице и лупил ключом в гигантскую стальную дверь компрессорной, пока кто-нибудь из рабочих мне не открывал. Обычно меня встречали улыбкой; рабочий подносил руку ковшиком ко рту и кричал: «Позовите кто-нибудь Терстона», — стараясь заглушить шум турбин.

Все рабочие начинали смеяться. Детям нельзя было находиться на станции, рядом с огромными двигателями, поэтому отец делал вид, будто сердится на меня. Иногда, когда я приходил, он собирал вокруг себя остальных и рассказывал обо мне разные истории.

— Ни один другой мальчишка не решился бы явиться сюда и постучаться в дверь. — Он гладил меня по голове и улыбался. — Только мой Дэвид на такое осмеливается.

Прежде чем отослать меня назад домой, отец забирал гаечный ключ, но на следующее утро я его находил на прежнем месте. Рабочие прощались со мной, говоря: «Увидимся завтра, дружище».